

В. Н. Оксенчук

Западноевропейские готические мотивы в романтической поэзии В. А. Жуковского

В статье рассматривается вопрос о влиянии западноевропейских готических мотивов на поэзию В. А. Жуковского на примере баллад «Светлана» и «Людмила». С помощью сравнительно-сопоставительного анализа оригинальных и переведённых В. А. Жуковским произведений выявляются различия и общие черты, свидетельствующие об интересе поэта к готическим образам и мотивам. Такими мотивами являются тяга к потустороннему, загадочным местам и событиям, таинственность. Эти мотивы появились в английской беллетристической литературе в конце XVIII века, а затем отразились в сентиментализме, предромантизме и романтизме. Жуковский при переводе произведений европейских авторов по-своему трансформировал эти мотивы. С деятельностью Жуковского-переводчика связана специфика русского романтизма, отличительной чертой которого стала опора на национальную культуру и фольклорную традицию.

Ключевые слова: готика, готический мотив, романтизм, лирика, фольклор, Жуковский.

Для цитирования: Оксенчук В. Н. Западноевропейские готические мотивы в романтической поэзии В. А. Жуковского // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 4. – С. 26–36. DOI 10.35231/25419803_2022_4_26

Вопрос о принадлежности В. А. Жуковского к западноевропейской готической стилистике является одной из литературоведческих проблем, до сих пор не решенных в современной филологии. Достаточно изучены связи поэзии Жуковского с западноевропейским сентиментализмом и романтизмом [См., например: 1; 7; 10; 13–16], но проблема романтизма Жуковского тем не менее «во многих отношениях спорной и нерешенной остается до сих пор» [10, с. 25], в частности, в отношении готических мотивов в рамках

предромантизма и романтизма. Изучение готической традиции в творчестве Жуковского практически только началось, хотя проблема была поставлена еще в 1904 году Н. К. Козминым, который в своей работе «О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX вв. в связи с поэзией В. А. Жуковского» проанализировал пласт западноевропейской переводной беллетристики рубежа XVIII–XIX веков и отметил, что она открыла Жуковскому «неисчерпаемый источник для заимствования», ибо «здесь были старые, давно знакомые Жуковскому и русскому обществу типы, сюжеты, картины, идеи – все то, что интересовало в переводных романах той эпохи, которая воспитала нашего поэта» [8, с. 36]. По мнению Н. К. Козмина, именно характером этих романов объясняются особенности поэзии Жуковского, в которой есть «и рыцари, совершающие подвиги, и грешники, призываемые к покаянию, и певцы, услаждающие на пиру своим пением, и любовники, разлучаемые судьбой <...> и явления умерших живущим» [8, с. 33]. Стиль литературы, повлиявшей на творчество Жуковского, был определен как готический в работах М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» [2] и В. Э. Вацура «Готический роман в России» [3]. М. М. Бахтин охарактеризовал замок как «новую территорию свершения романских событий» в готической литературе [2, с. 394], а В. Э. Вацура описал замок как готический топос и наметил главные мотивы готической прозы.

Развитием идей М. М. Бахтина и В. Э. Вацура можно считать коллективную монографию «Готическая традиция в русской литературе» [3], а также отдельные немногочисленные статьи [11; 12]. Несомненным достижением указанных работ является описание готического канона, но материалом для исследований здесь является готическая проза. Поэзия Жуковского в современном отечественном литературоведении в рамках готики не рассматривалась.

Материалы и методы

Проводить анализ готических мотивов в творчестве В. А. Жуковского необходимо в сравнении его произведений с образцами готического стиля в творчестве поэтов, произведения которых Жуковский переводил на русский язык.

Для компаративного анализа выделяются мотивы, присущие готическому стилю в литературе: использование таинственных сюжетов с вкраплением мистики и фантастики, мелодраматические эффекты, мрачная эстетика и трагический колорит. Эти элементы готической поэтики авторы готических романов использовали с целью показать читателю непостижимость жизни, её причудливую природу, независимость законов рока от человеческих поступков и желаний.

При проведении исследования применяются такие литературоведческие методы, как сравнительно-исторический метод и метод структурного анализа.

Интерес В. А. Жуковского к готическому стилю обусловлен его переводческой деятельностью. Литературные критики считают, что переводы В. А. Жуковского выглядят достаточно вольными, да и сам поэт приравнивал поэтический перевод к оригинальному творчеству.

Одними из наиболее известных баллад В. А. Жуковского являются баллады «Людмила» (1808) и «Светлана» (1813). Обе баллады восходят к балладе «Ленора» (1773) немецкого поэта Г. А. Бюргера. Баллада «Людмила» считается «вольным переложением» баллады Бюргера [6, с. 267], а баллада «Светлана» – оригинальным произведением, написанным по мотивам «Леноры» [6, с. 287]. Собственно перевод баллады «Ленора» Жуковский сделал в 1831 году [6, с. 413]. Творчество Бюргера привлекало Жуковского, в его библиотеке был двухтомник Г. Бюргера на немецком языке [6, с. 267–268]. Жуковский пояснил причину своего притяжения к творчеству немецкого балладника: «Бюргер в роде баллад единственный <...> В особенности изображает он очень счастливо ужасное...» [Цит. по: 6, с. 268].

В центре сюжета оригинального произведения душевные переживания девушки, потерявшей во время войны своего возлюбленного, её личный бунт против всеобщей радости тех, чьи родные вернулись домой, и бога, который допустил ее терзания. Героиня готова умереть («Погибни жизнь, где друга нет!»), что и происходит во время явления мертвого возлюбленного во сне Леноры, зовущего ее как невесту на новоселье в «укромный приют», – ее труп «сходит в могилу».

Художественный мир, созданный В. А. Жуковским, более элегичен, в нём нет столь явного противопоставления личной трагедии и вселенского счастья, более того, в переложении поэта в обоих вариантах баллада приобретает русский колорит.

Результаты

Для баллад Жуковского «Светлана» и «Людмила» характерны такие готические мотивы, как тайна, соприкосновение с загробным миром, скачка на кладбище с мертвым возлюбленным.

Балладу «Людмила» Жуковский назвал «подражанием Бюргеровой Леноре» [6, с. 267], так как имел цель – перенести жанр баллады на русскую почву, создать «русскую» балладу. Баллада имеет подзаголовок «Русская баллада», поэтому, хотя «Людмила» сюжетно близка к оригиналу, в ней присутствует национальный колорит. Так, смерть возлюбленного Людмилы приурочена к отечественным событиям (в оригинале к войне между Германией и Пруссией в 1741–1748 гг. и названо имя немецкого короля Фридриха). В «Людмиле» местом действия является допетровская Русь (упоминаются литовские войны XIV–XVI веков), «тесный дом» погибшего возлюбленного Людмилы находится «там, в Литве, в земле чужой» «близ Наревы»¹; место бюргеровой «рати», ряды которой «пылят, гремят, сверкают», занимает «дружина» – «грозная рать славян» с деталями русского конного строя и оружия: «светит ратных ополченье», «трубный треск и стук мечей». Далее повествование наполняется «русскими» деталями – бытовыми: Людмила в «тереме» пред «иконою святой»; природными: «лесов дремучих сени», «тихие дубравы», «бор», «широкая долина», – отсутствующими в оригинале. В переложении опущены такие «ужасные» готические детали, как «чернеющий висельник», эпизод с «тяжким гробом на дрогах», «безглазый череп на костях», что видит Ленора, и другие нагнетающие страх подробности ночной кладбищенской жизни. Ужасный вид ночного кладбища

¹ Цитаты приводятся по изданию: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Т. 3. Баллады. – 452 с. Баллада «Людмила» – с. 9–16; баллада «Светлана» – с. 31–39; баллада «Ленора» – с. 181–187 без указания страниц цитат в тексте статьи.

в оригинальной балладе при переложении сглаживается, у Жуковского в «Людмиле» кладбище осеняет «божий храм», который Людмила видит среди крестов и могил, чего нет в оригинале. Сама скачка с мертвецами и разговор влюбленных в переводе Жуковского романтизированы. В «Леноре» частым перечислением всего видимого в ходе скачки глазу без деталей («окрестность вся летела» и все «мгновенно пропадало») подчеркивается скорость движения, в «Людмиле» время приезда мертвеца к Людмиле и скачки притормаживается описаниями красивого ночного пейзажа («светит месяц, дол сребрится...»), чтобы дать время для общения возлюбленных. Бюргеровский жених разговаривает с мертвецами, с конем и трижды повторяющейся обезличенной фразой с Ленорой («Не страшно ль?.. Да что же так дрожишь ты?»). Возлюбленные у Жуковского находятся в постоянном диалоге, жених обращается к Людмиле с признанием («ты моя, мою будь») и приглашает разделить с ним вечность («...ко мне, Людмила»), чего тоже нет в оригинале. В итоге в балладе создается романтическая ситуация любви и в смерти. В балладе «Людмила» иначе осмысливается и причина смерти героини. В балладе Бюргера Ленора бросает вызов богу как личному врагу: «Она вступила в дерзкий спор», «Не милостив со мною он», «Он глух и безответен», «Творца она на суд с собой безумно вызывала». Ленора не захотела смириться и молила о том, чтобы «угас противный свет», свершение ее мольбы – ее наказание, ибо «Творцу в бедах покорна будь; твой труп сойди в могилу!» Ленора выбирала земное счастье как высшее блаженство, а не небесный рай. В балладе Жуковского Людмила не судит бога, она слабо ропщет против «святого провидения» и «неумолимости небес», мечтая соединиться с милым. Исполнение желания Людмилы – ее награда: «Твой услышал стон творец» – Людмила соединяется с возлюбленным, ибо «царь Всевышний правосуден». Таким образом, и общая идея баллады, и готическая поэтика изменены в соответствии с национальным мировоззрением и традициями.

Иная интерпретация готического мотива свидания с мертвецом возникает в балладе «Светлана».

В отличие от Леноры Светлана не ищет явной помощи у потусторонних сил, а, скорее, просит у них успокоения для своей души. Возможно, это происходит потому, что Светлане нет нужды восставать против Бога. Она воспринимает происходящее с ней как испытание, что вполне свойственно национальному русскому характеру.

В своей статье «Интерпретация сказочных сюжетов и волшебного-сказочной повествовательной структуры в сказках В. А. Жуковского» С. Н. Еремеев отмечает, что переводы Жуковским европейских баллад балансируют грани двух жанров – баллады и русской сказки: «...не следует забывать о приверженности поэта ко всему мистическому, фантастическому, необычному, сказочному, поэтому и баллады Жуковского и многие его стихотворения близки к сказкам» [5, с. 68]. По мнению Жуковского, народное искусство необходимо использовать как богатый поэтический материал, как материал для литературной фантастики. Именно потому в «Светлане» встречаются фактически «сказочные» ситуации (крещенское гадание, национальные ритуальные обряды (венчание), фольклорные стилистические средства: («ярый воск», «подблюдны песенки», «белый плат», «красен свет», «тесовы ворота», «светлица», «денница», «кручина»). Наличествуют и готические мотивы – скачка с «бледным и унылым» мертвецом, «черный гроб» в одиноком храме, встреча с мертвецом в «хижинке со снегом», поднимающийся из гроба мертвец («силится раздвинуть он руки охладелы»), вызывающие страх у Светланы. Устрашающей выглядит и ситуация Светланы: «одинокая, впотьмах, брошена от друга, в страшных девица местах; вокруг метель и вьюга».

Баллада «Светлана» изобилует различными порождениями тьмы, зыбкая атмосфера кошмарного сна является источником чарующих декораций. Герои покидают один мир и оказываются в мире неизвестном, мистическом, где происходит встреча живого с неживым. Но в конце все видения призраков и мистическая встреча с мертвым женихом оказываются всего лишь сном.

Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах

Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась...
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки [6, с. 37–38].

Баллада В. А. Жуковского максимально погружает читателя в привычную для него обстановку, воссоздает атмосферу русской деревни, делают балладу приближенной к народному быту.

Особое внимание в «Светлане» уделяется пейзажным зарисовкам, более характерным отечественным, нежели зарубежным классикам, делающим акцент на развитии событий, а не на красотах окружающей персонажей природы. Именно поэтому в балладе В. А. Жуковского мы встречаем столь яркие и символические описания каждого конкретного действия. Так, каждый из эпизодов имеет свой цвет. Причём, у В. А. Жуковского нет столь явного противопоставления «чёрного» и «белого», ведь даже мрачные детали поэт стремится высветлить, показать в них полутона. К примеру, мы встречаем в его балладе такие выражения, как «темна даль», «темно в зеркале». Тем самым поэт как бы отсылает нас к главной героине, из-за непоколебимой веры которой во вселенские силы даже мрак находится вполоборота к свету и не выглядит столь однозначным, как мистические описания у Бюргера.

Важнейшей чертой в готическом произведении является место, где происходит встреча реального и сверхъестественного, встреча двух миров. В европейской готической прозе местом встречи двух миров зачастую выступал замок, в котором разворачивалось основное действие произведения. В балладах Жуковского таким местом выступает кладбище. Устойчивым мотивом в поэзии становится появление умершего друга, любимого.

Обсуждение и выводы

Таким образом, сравнительный анализ показал, что в творчестве Жуковского-переводчика обнаруживаются черты западноевропейской готики, но в то же время оно опирается

на своеобразии национальной культуры. В. А. Жуковский одним из первых обратил внимание русской литературы на романтическое восприятие мира.

Авторские произведения В. А. Жуковского также носят отпечаток готической традиции. Так, в 1830–1840-е годы поэт обращается к мистическим образам приведений и видений в таких своих стихотворениях, как «О молитве», «Камозэнс», «Две сцены из Фауста». Интересно то, что под смертью Жуковский предлагает понимать читателю вовсе не что-то ужасное, что губит его настоящую и будущую жизнь, а скорее вечного товарища его новой жизни. Обращение поэта к мистическим существам вряд ли стоит понимать буквально, скорее, это можно воспринимать как художественный приём, иллюстрирующий связь человека с загробным миром, его вечное желание узнать о жизни за гранью.

Таким образом, поэтический язык В. А. Жуковского создаёт атмосферу тайны, воспетые им образы начинают восприниматься его современниками как кладёзь метафор, позволяющих описать «невыразимое». В. А. Жуковский получает среди своих коллег звание «ювелира слова», писателя, которому подвластно нечто, что находится за гранью понимания обыкновенных людей, что делает его «гением восприимчивости» (Н. В. Гоголь).

Сам В. А. Жуковский говорил о своей деятельности, в частности переводческой, что переводчик является в прозе рабом и только поэзия позволяет ему воплотить себя в творчестве. Так или иначе, поэту удавалось перенести литературные жанры и стили на почву русского искусства, обогатить их за счёт национального колорита и мифологии. В своём творчестве он постарался показать таинственность и многогранность русской души, своеобразии которой сложно сравнить с европейским менталитетом.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на явный интерес поэта к западноевропейской литературе он сумел сохранить в себе способность говорить с читателем на его языке, воспитывать в нём человечность посредством русской народной сказки, а также посвящать его в мир зарубежной литературы сквозь призму своеобразия отечественной культуры.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. – М.: Наука, 1988. – С. 251–274.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Статьи разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 501 с.
3. Вацууро В. Э. Готический роман в России. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 542 с.
4. Готическая традиция в русской литературе / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: РГГУ, 2008. – 349 с.
5. Еремеев С. Н. Интерпретация сказочных сюжетов и волшеббно-сказочной повествовательной структуры в сказках В. А. Жуковского // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 67–71.
6. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Т. 3. Баллады. – 452 с.
7. Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 278 с.
8. Козмин Н. К. О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX вв. в связи с поэзией В. А. Жуковского. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1904. – 46 с.
9. Левит С. Я. Поэзия чувства и "сердечного воображения" в контексте исторической поэтики Веселовского // Вестник культурологии. – 2021. – № 5. – С. 47–49.
10. Маймин Е. А. О русском романтизме. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.
11. Полякова А. А. Комплекс мотивов готического романа в сюжетной структуре русской повести // Новый филологический вестник. – 2006. – № 2(3). – С. 211–215.
12. Рыбко И. А. Традиция готического романа в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Кровь за кровь» // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. – 2012. – № 5. – С. 102–107.
13. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. – М.: Художественная литература, 1975. – 256 с.
14. Шаталов С. Е. Романтизм Жуковского // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). – М., 1979. – С. 110–162.
15. Янушкевич А. С. Этапы творческой эволюции В. А. Жуковского. – Томск: Изд-во Томского университета, 1985. – 291 с.
16. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. Творчество Жуковского как художественная система. – М.: Наука, 2006. – 523 с.

Vera N. Oxenchuk

Western European Gothic Motives in the Romantic Poetry by V. A. Zhukovsky

The article presents an analysis of V. A. Zhukovsky's poetry in the context of the Gothic traditions of Western Europe. The influence of Gothic culture on the literature of the XIX century is investigated. Common features are revealed, indicating the interest in the medieval Gothic of V. A. Zhukovsky. The name of Zhukovsky is thus associated with the flowering and development of the specifics of Russian Romanticism. Romanticism is a trend that actively manifested itself in the entire European culture at the begin-

ning of the XIX century, but in each country had specific features of manifestation. Romanticism originated in England, where it developed as several successive stages. In English literature, he manifested himself as a pre-romanticism, which became a reaction to the previous trends – classicism and sentimentalism. Pre-Romanticism gave rise to the Gothic tradition, the origins of which lie in the art of the Middle Ages. A distinctive feature of Romanticism as a mature trend was the reliance on national culture, oral folklore tradition. As a mature direction, romanticism has formed a special type of personality – a romantic hero.

Key words: Gothic, Gothic motives, romanticism, poetry, folklore, Zhukovsky.

For citation: Oxenchuk, V. N. (2022). Zapadnoevropejskie goticheskie motivy v romanticheskoy poezii V. A. Zhukovskogo [Western European Gothic Motives in the Romantic Poetry by V. A. Zhukovsky]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 26–36. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_4_26

References

1. Averincev, S. S. (1988). *Razmyshleniya nad perevodami Zhukovskogo* [Reflections on Zhukovsky's translations] *Zhukovskij i literatura konca XVIII–XIX veka* [Zhukovsky and literature of the late 18th–19th centuries]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 251–274. (In Russian).
2. Bahtin, M. M. (1975) *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] M. M. Bahtin. *Voprosy literatury i estetiki. Stat'i raznyh let* [Questions of literature and aesthetics. Articles from different years]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
3. Vacuro, V. E. (2002). *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ. (In Russian).
4. *Goticheskaya tradiciya v russkoj literature* (2008) [Gothic tradition in Russian literature]. Pod red. N. D. Tamarchenko. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
5. Eremeev, S. N. (2005) *Interpretaciya skazocnyh syuzhetov i volshebno-skazocnoj povestvovatel'noj struktury v skazkah V. A. Zhukovskogo* [Interpretation of Fairy Tale Plots and Fairy Tale Narrative Structure in V. A. Zhukovsky's Fairy Tales] *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. No. 4. Pp. 67–71. (In Russian).
6. Zhukovskij, V. A. (2008) *Poelnoe sobranie sochinenij i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 volumes]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur Publ. T. 3. Ballady. (In Russian).
7. Iezuitova, R. V. (1989). *Zhukovskij i ego vremya* [Zhukovsky and his era]. Leningrad: Nauka, Lenigradskoe otdelenie. (In Russian).
8. Kozmin, N. K. (1904) *O perevodnoj i original'noj literature konca XVIII i nachala XIX vv. v svyazi s poeziej V. A. Zhukovskogo* [On translated and original literature of the late 18th and early 19th centuries. in connection with the poetry of V. A. Zhukovsky]. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova. (In Russian).
9. Levit, S. YA. (2021) *Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya" v kontekste istoricheskoy poetiki Veselovskogo* [Poetry of Feeling and "Heart Imagination" in the Context of Veselovsky's Historical Poetics] *Vestnik kul'turologii* [Vestnik culturologii]. No. 5. Pp. 47–49. (In Russian).
10. Majmin, E. A. (1975) *O russkom romantizme* [About Russian romanticism]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

11. Polyakova, A. A. (2006) *Kompleks motivov goticheskogo romana v syuzhetnoj strukture russkoj povesti* [The complex of motives of the Gothic novel in the plot structure of the Russian novel] *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin]. No. 2(3). Pp. 211–215. (In Russian).

12. Rybko, I. A. (2012) *Tradiciya goticheskogo romana v povesti A. A. Bestuzheva-Marlinskogo «Krov' za krov'»* [The tradition of the Gothic novel in the novel by A. A. Bestuzhev-Marlinsky "Blood for Blood"] *Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova* [Bulletin of Moscow State University of Printing Arts]. No. 5. Pp. 102–107. (In Russian).

13. Semenko, I. M. (1975) *ZHizn' i poeziya ZHukovskogo* [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).

14. SHatalov, S. E. (1979) *Romantizm ZHukovskogo* [Zhukovsky's Romanticism] *Istoriya romantizma v russkoj literature: Voznikovenie i utverzhenie romantizma v russkoj literature (1790–1825)* [History of Romanticism in Russian Literature: The Emergence and Establishment of Romanticism in Russian Literature (1790–1825)]. Moscow. Pp. 110–162. (In Russian).

15. YAnushkevich, A. S. (1985) *Etapy tvorcheskoj evolyucii V. A. ZHukovskogo* [Stages of V. A. Zhukovsky's creative evolution]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (In Russian).

16. YAnushkevich, A. S. (2006) *V mire ZHukovskogo. Tvorchestvo ZHukovskogo kak hudozhestvennaya sistema* [In the world of Zhukovsky. Zhukovsky's work as an artistic system]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

дата получения: 15.10.2022 г.
дата принятия: 01.11.2022 г.
дата публикации: 30.12.2022 г.

date of receiving: 15 October 2022
date of acceptance: 01 November 2022
date of publication: 30 December 2022